

Роман Моргунов

Р
Е
В
Е
Р
С

18+

Роман Владимирович Моргунов

Реверс

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=62632636

SelfPub; 2020

ISBN 978-5-532-03627-7

Аннотация

История, печальней которой нет на свете, но со стороны Меркуцио. И Меркуцио здесь весьма необычен: он алхимик, который всю свою жизнь посвятил поиску эликсира бессмертия....

Содержание

Часть первая	4
Пролог	4
1 Первый сон Меркуцио	5
2 Солнце восходит	7
3 Во время дождя	20
4 Бог, чума и маскарад	30
5 Кошки, сон, смерть	42
6 Бенволио	52
Конец ознакомительного фрагмента.	53

Часть первая

Пролог

Хотел бы я знать, задумываются ли люди о природе загадочного мира снов, в котором они проводят почти треть своей жизни? Науки наши так скудны, что мы не обладаем сколь-нибудь твёрдыми познаниями в этой области. Маги и прорицатели, укутавшись туманом тайн, за звонкую монету готовы благоговейно толковать наши сны, отыскивая в них пророческие печати судьбы или тайные послания душ, покинувших этот мир. С благоговейным трепетом внимаем мы этим откровениям, но истинны ли они?

И что же есть сон в этом мире?

В моей жизни встретилось ночное видение, которое следует назвать кошмаром, но единственно лишь потому, что, ничего не смысля в значении увиденного, я чувствую прилив ужаса, который не в силах избыть из своей души.

Вот он.

1 Первый сон Меркуцио

Луна и ночь. Даже кажется, что я не сплю. Я знаю, что это не так, потому что я в саду. Нет ветра. Повсюду шорох и тьма. А потом стали загораться огни. Это в окнах домов. Передо мной тоже есть дом. Он большой: продолжается и в длину, и в высоту, хотя ничего определённого я о нём сказать не могу. Повсюду шорох и тьма. Я не могу двинуться с места, стою и смотрю.

Я вглядываюсь и вслушиваюсь. Наверное, поэтому я вскоре замечаю балкон на втором этаже дома и две фигуры: женскую и мужскую. Они вместе, а мне становится неудобно. Никогда не любил подглядывать за влюблёнными. Зачем я здесь? Что мне здесь нужно?

Тьма и шорохи не дают ответов. Я по-прежнему прикреплен к одному месту, но уже слышу своё дыхание. Оно сотрясает меня, причиняя страшную боль. Я пытаюсь вдохнуть в себя как можно больше воздуха, но что-то мешает мне, словно в рёбрах застрял клинок. Меня осеняет эта догадка, и я чувствую, как по пальцам, которые сплелись там, в районе живота течёт что-то вязкое и липкое. Я умираю? А зачем здесь эти двое?

Вдруг всё вокруг начинает трястись от хохота. Влюблённые на балконе не замечают этого, а я не замечать не могу: источник хохота висит у меня над головой. Луна. Не такая,

как должна быть при свидании влюблённых. Эта луна громадная, сливовая. Она смеётся, заходится в жутких уханах и визгах. Становится всё темнее и темнее. Меня колотит дрожь. И самое страшное состоит в том, что плохо мне не от вытекающей из меня крови (её-то я во сне почти не чувствую), а вот от этого совершенно дикого, неудержимого хохота, в котором нет ничего человеческого...

От этого хохота Меркуцио просыпается в своей постели.

2 Солнце восходит

Солнце только выглянуло из-за горизонта, и Верона сразу стала другой. Это не расскажешь в двух словах, но как только город покидает тьма, то всё начинает меняться. Дома становятся не безликими препятствиями, а жилищами, дворцами и храмами. На улицы выходят люди, в которых можно узнать булочника, бакалейщика или мастерового. Куда-то исчезают искатели удачи в плащах и капюшонах. Исчезают кошки, стучат шагами ослы, лошади и колёса. Солнечные лучи радостно прыгают по водам реки.

Жизнь просыпается в городе.

Сон не покидает город мгновенно. Можно сказать, что Верона ещё спит. Окна домов по-прежнему закрыты, возле таверн ещё пусто, тихо и глухо в храмах. Всё это проснётся позже. Сейчас же город только готовится к пробуждению. Проснулись только те, кого бедность (а иногда и нищенство) гонят на улицы Вероны.

Тем удивительнее было видеть высокого господина в чёрном плаще, который внезапно возник на улице и твёрдым уверенным шагом направился к центральной площади. Он неизбежно притягивал к себе внимание рабочего люда, который волею судьбы оказался в этот рассветный час на улице. Кто-то даже снял шляпу, чтобы поприветствовать удивительного посетителя улицы, но высокий господин в чёрном

плаще никак не отреагировал на это приветствие.

Идущий заметил, как возле угла дома колыхнулась тень и сверкнули хищные глаза. Уличный вор оценивающе посмотрел на этого человека, а тот словно бы невзначай положил правую руку на рукоять шпаги. Глаза сразу же исчезли во тьме, по достоинству оценив клинок или ту лёгкость и изящество, с которым рука нашла рукоять шпаги.

Где-то закричал петух.

– Джованни! Заткни свою птицу! – раздался в ответ крик недовольного горожанина.

– Когда я решу сделать из него суп, то кричать он уже не будет! – гаркнула в ответ толстуха в грязной одежде с зелёным передником.

– Милла, когда же ты сделаешь из него суп? – не унимался недовольный.

– Ты-то об этом точно знаешь, Чиппи!

– Как? Ты позовёшь меня попробовать свою похлёбку?

– Ещё чего не хватало!

– Как же тогда?

– Ты перестанешь слышать петушиный крик!

Вокруг заухали и загоготали. Эти звуки выражали одобрение шутки Милли, но господин с чёрным плащом и шпагой никак не отреагировал на всеобщее веселье.

Улицы Вероны раннего утра не веселили и не пугали его. Он шёл вперёд.

Откуда-то на улицу вынырнула огромная повозка, гру-

жённная бочками, которые распирались во все стороны, буквально закрывая всё пространство. Повозка двигалась медленно, её еле-еле тащила громадная старая лошадь, которая двигалась из последних сил и, казалось, сейчас свалится на булыжники улицы, не справившись со своим грузом. Тем не менее хозяин – высокий турок в чалме с хвостотиной в руках – кричал и требовал на тарабарском языке, чтобы лошадь двигалась быстрее. Господин в плаще был вынужден сначала остановиться, а потом и задуматься над тем, как продвигаться дальше. Он повернул голову в ближайший переулок, видимо, обдумывая обходной манёвр, но потом резко шагнул к турку.

– Останови лошадь! – потребовал он. – Я пройду возле стены, тогда ты продолжишь движение.

Турок сделал жалостливо-кислое выражение лица и развёл руки в стороны, демонстрируя, что он не понимает, о чём его просят.

– Вот ведь чёрт! – выругался господин в чёрном плаще. Он без слов вырвал у него из рук хвостотину, которой турок погонял лошадь, и бросил к стене ближайшего дома. Турок сразу же упал на мостовую и заголосил так, как будто бы его ошпарили кипятком. Вдобавок ко всему он принялся кататься по камням и смешно хлопать себя руками, будто сбивая невидимое пламя. Как по команде со всех сторон стали появляться турки в характерных одеждах. Некоторые из них были с палками или хвостотинами. Человек восемь

окружили человека в чёрном плаще. Намерения их не оставляли сомнения, а вокруг стали собираться утренние зеваки. Были среди них и Милла с Чиппи.

Один из турок указал на валяющегося и бьющегося в агонии сородича и что-то грозно сказал стоящему в кругу человеку в чёрном плаще.

– Денег? – спокойно спросил окружённый.

Турок радостно закивал.

– Он должен встать, – сказал человек в чёрном плаще.

Без всяких указаний от кого бы то ни было лежащий на мостовой турок затих и тут же поднялся. Человек в чёрном плаще тут же вытянул вперёд руку. Его кожаная перчатка держала на весу маленький мешочек, который не оставлял никаких сомнений относительно своего наполнения. Глаза кивавшего турка радостно заблестели, и он отчётливо произнёс:

– Дай!

– Лошадь! – сказал человек, продолжая держать мешочек на весу. Турок кивнул и что-то сказал своим людям. Те увели лошадь, но остались стоять в проходе.

– Иди сюда! – подозвал человек в чёрном плаще турка. Тот стал медленно подходить, а когда оказался в шаге от мешочка, услышал:

– Стой!

С этим выкриком турок остановился, а его соратники как по команде подняли свои хворостины и палки.

– Сейчас я отпущу мешочек, – сказал человек в чёрном плаще. – Если ты его поймаешь – он твой. Если он упадёт на землю, то он останется у меня. Но чем бы дело ни закончилось, я уйду. Согласен?

– Ха! – не удержался от восклицания Чиппи.

– Господин, да тут даже такая толстая бочка как я поймает ваш мешочек! А вы посмотрите на него! Он, хоть и не молод, но достаточно ловок, чтобы не упустить такое счастье! – сказала Милла.

Турок уже кивнул и всем своим видом демонстрировал, что готов ловить мешочек.

– Отлично! – произнёс человек в чёрном плаще. Он резко вытащил шпагу, подставил кончик клинка к кадыку турка. Его соплеменники тут же недовольно загалдели, подняли оружие и сделали по шагу вперёд, но главный их остановил, понимая, что клинок легко пронзит его плоть, и никто не успеет ему помочь.

– Я поясню, – сказал человек в чёрном плаще. – Я уже убедился, что вы довольно неплохо понимаете по-итальянски, когда речь идёт о деньгах или о смерти. Так вот: я хотел пройти по этой улице. Дело нехитрое, но ваша повозка мне помешала. Поймать этот мешочек с монетами с того места, на котором ты сейчас стоишь – тоже. Но это когда тебе никто не мешает. Так что вот тебе препятствие – мой клинок. Таким образом мы будем в равных условиях.

– Ха! – снова сказал Чиппи.

В этот момент человек в чёрном плаще отпустил мешочек. Турок не сделал ничего, чтобы попытаться поймать деньги.

– Не советую убирать вам клинок от горла этого пройдохи, пока его люди не освободят вам проход, синьор! – громко дала совет Милла.

Тем не менее кончик шпаги двинулся вниз, легко подцепил мешочек с монетами, подбросил его вверх. Человек в чёрном плаще поймал его и спрятал в недрах плаща. А сразу за этим действием он убрал шпагу в ножны.

– Я не так глуп, чтобы пользоваться советами базарной бабы, – спокойно сказал человек в чёрном плаще. Он стоял напротив и, улыбаясь, смотрел турку в глаза.

– Воля ваша, синьор! Тем более, что вы рискуете своей головой! – обиженно заявила Милла.

Турок усмехнулся и крикнул что-то на своём тарабарском. Его соплеменники нехотя опускали хворостины и палки и освободили проход.

– Вот это да! – восхитился Чиппи.

– Ваш петух мог бы научиться молчать по утрам, если бы вы могли ему объяснить, что от этого зависит его жизнь, – медленно сказал человек в чёрном плаще.

– Так как же ему это объяснишь! – захохотал Чиппи. – Он же ни слова не понимает на итальянском!

– Пару минут назад эти турки тоже ничего не понимали на итальянском. Но с тех пор они сделали серьёзные успехи

в изучении языка!

Этой шутке засмеялись уже и турки, и Милла, и Чиппи.

Человек в чёрном плаще отправился дальше.

Среди крыш домов уже стали проглядывать шпили главного собора, в сторону которого и шёл наш герой. Вокруг становилось многолюднее. Причём люди уже не скрывались где-то за углом или в тени. Как правило, это были работяги, которые готовились своим трудом добывать себе на кусок хлеба. Они жили так всю свою жизнь, год за годом. Так жили их отцы и деды. Они точно знали, что богатые и знатные люди могут себе позволить спать вволю. Тем удивительнее им было видеть в этот ранний час человека в чёрном плаще. Довольно часто бедняки приостанавливали свой труд, чтобы проводить взглядом эту странную фигуру.

Что же заставило этого человека подняться с постели в столь ранний час?

Никто не сомневался, что это должно было быть дело исключительной важности.

– Доброй вам дороги, синьор Меркуцио! – прохрипел нищий, что сидел у стены обшарпанного дома с закрытыми ставнями. Человек в чёрном плаще резко остановился и, сбросив капюшон, обратил своё внимание на узнавшего его нищего.

– Вы меня узнали?

– Да как же вас не узнать! – закашлялся старик.

– Откуда же ты меня знаешь?

– Ваш острый язык стоит вашего клинка из дамасской стали! Сколько раз я слышал от разных людей, что ничто не портит кровь так сильно, как яд, что срывается временами с вашего языка! Уж как вы остры на язык, синьор Меркуцио! Кхе-кхе!

Нищий попытался рассмеяться, но глубокий утробный кашель не позволил ему это сделать.

– Что же тебе нужно? – спросил Меркуцио.

– Мне? – удивился нищий. – Разве я что-то просил, синьор Меркуцио?

– Зачем же ты остановил меня, разбойник?

– Я?! Остановил вас?! Синьор Меркуцио, даже свора диких турок, вооружённая палками и хворостинами, перегородив вам дорогу, чуть не лишилась своего вожака, стоило им оказаться на вашем пути! Неужели я, несчастный калека, могу вас остановить?

Меркуцио сделал паузу, прежде чем медленно произнести следующую фразу:

– Однако тебе это удалось...

Нищий улыбнулся под своей густой и грязной бородой и, не сводя с Меркуцио глубоких синих глаз, заклокотал смехом.

– И всё же, – сказал Меркуцио.

– Вы слишком рано идёте, – вздохнул нищий.

– Почему?

– Гонец пана Пшишека ещё не въезжал в город. Вам неза-

чем идти в таверну «Зелёная колдунья».

– Сомнительное заведение эта таверна, – сказал Меркуцио.

– Очень сомнительное, – сказал нищий и замолчал.

– Я иду к отцу Лоренцо, – произнёс Меркуцио.

– О! – захохотал нищий.

– Что смешного в том, что знатному дворянину есть дело к уважаемому священнослужителю?

– Нет-нет, в этом ничего смешного нет, но видите ли, в этот час все священнослужители нашего города усиленно дрыхнут. Так они готовятся к вечерней службе и тому, что последует за ней...

– Мне кажется, что для простого нищего вы слишком много знаете о Вероне и о её жителях.

– Вам кажется, синьор Меркуцио!

Меркуцио усмехнулся.

– Всё же...

Меркуцио напрягся.

– Если у вас есть несколько времени...

– В таком случае вы составите мне компанию в «Зелёной колдунье», – перебил его Меркуцио.

– Она ещё заперта, синьор Меркуцио!

– Вы, уважаемый гость нашего города, ещё пока знаете не все двери...

– Что ж, покажите мне ещё одну дверь! За это я буду вам отдельно благодарен!

– Идёмте!

Нищий довольно легко поднялся с мостовой и последовал за Меркуцио.

Таверна «Зелёная колдунья» находилась за углом. Если бы Меркуцио не ждал бы этого странного нищего, то легко бы и быстро преодолел это расстояние в несколько десятков шагов. Этот нищий удвоил, если не утроил, время, которое теперь уже они вместе прошли до известной в Вероне таверны. Если бы Меркуцио покинул бы улицу, то не услышал бы, как какой-то звонкий мужской голос произнёс:

– А я слышал, что в Верону идут люди, которые спасаются от чумы!

– Какие люди? От кого ты мог это слышать? – ответил точно такой же голос, словно один и тот же человек разговаривал сам с собой. Меркуцио лишь успел оглядеть пространство вокруг себя, как голоса бесследно пропали. Да и вокруг него и нищего не было ни единого человека. Откуда взялись эти голоса?

– Чего вы так испугались, синьор Меркуцио? – бойко спросил нищий. – Вы меня удивляете!

– Вы это слышали?

– Слышал что?

– Здесь были двое.

– Двое?

– Да. Они говорили, что в Верону может прийти чума.

– Чума? В Верону?

– Ну да.

– Эх, синьор Меркуцио! Чума может прийти куда угодно и когда угодно! В наше-то время...

– Я бы предпочёл, чтобы это произошло позже.

– Позже чего?

– Позже моей смерти. И не надо острить на этот счёт! Я видел, в каких муках умирают от чумы! Такая смерть не предмет для шуток!

– О! – произнёс нищий и хрип внезапно пропал из этого ясного и почти певучего звука. – Я видел, как вы убрали клинок, хотя вам угрожали расправой с десятков человек...

– От этих десяти уйти было несложно. Их не сравнить с чумой!

Нищий не стал отвечать. То ли потому, что не нашёлся, что сказать, то ли потому, что они уже пришли.

Массивная двойная дверь и в самом деле была заперта, но Меркуцио и не подходил к ней. Он повёл нищего вокруг здания, пока не оказался возле узкой двери под навесом, куда громко трижды постучал кулаком. Дверь открыла девочка лет пяти-шести, глядя на них огромными карими глазами.

– Он со мной, – кивнул на нищего Меркуцио.

– Как скажете, – сказала девочка и посторонилась. Онапустила пришедших и заперла за ними дверь. Меркуцио уверенно прошёл в тёмный узкий коридор и привёл своего спутника в маленькую комнатку, единственное окно которой выходило в сад. Посреди комнаты стоял простой и прочный

квадратный стол, к нему лепились со всех сторон четыре таких же стула.

На стенах комнаты хозяин повесил полки, где ровными рядами бутылки всех форм и цветов ожидали своего часа.

– Садитесь, – сказал Меркуцио и куда-то ушёл из этой комнаты. Старик не успел отодвинуть стул, а Меркуцио уже вернулся с громадными глиняными кружками.

– Неужели мы будем пить без хозяина? – удивился нищий.

– Мы будем, пить, есть и ждать хозяина, – утвердительно кивнул Меркуцио. Он ловко и легко взял с полки первую попавшуюся бутылку, наполнил кружки бурой жидкостью. Одну из них он слегка пододвинул к старику.

– Премного благодарствую! – стал улыбаться в бороду нищий.

Меркуцио тяжело сел, усмехнулся, рывком сделал два громадных глотка из кружки и вдруг утвердительно сказал:

– Итак, я тебе понадобился.

Нищий отрицательно замотал головой и замахал руками, оставив в покое кружку.

– Совсем нет, синьор Меркуцио! Совсем нет!

– Тогда что ты здесь делаешь?

– Ничего, совсем ничего!

– Но ты ведь появился?

– Разумеется, синьор Меркуцио! Все когда-то и где-то появляются! Такова ведь сама жизнь!

– Хорошо завернул!

Меркуцио скрестил руки на груди. Нищий тоже молчал.

– Но я разверну, – сказал Меркуцио и стал вновь пить из кружки.

– Синьор Меркуцио, у вас ещё впереди много важных дел!

– Да?

– Но не зря же поднялись на границе дня и ночи и пустились в путь по опасным улицам!

– Как знать? Быть может зря?

– Но мы же здесь? Мы ждём?

– Мы ждём и жаждем. Вот вино!

– Как оно вам?

– По-моему, в нём слишком много соли.

– Соль в вине?

– Соль есть во всём, кроме вашей болтовни! – отрезал Меркуцио.

– А вы бы хотели, чтобы я рассказал вам что-то действительно стоящее, синьор Меркуцио?

– Так я вас сюда за этим и привёл!

Нищий молчал и, хитро прищурившись, смотрел на него.

– И вы готовы к долгому рассказу? – спросил нищий.

– Здесь хватит солёного вина на тысячу лет! Ну, начинайте же!

– Так слушайте, – шёпотом прохрипел старик.

3 Во время дождя

Дождь лил сплошной стеной.

Это не был какой-то случайный ливень, который внезапно обрушился на город посреди чистого и безоблачного неба. Всё к этому шло. Тучи собирались с самого утра, как будто бы даже призывая своих собратьев закрыть всю Верону от солнца. Ветер не мешал им собираться, не разгонял и не сносил в какую-нибудь сторону. Совсем наоборот: ветер покинул небеса, спустился к самой земле, сквозил вдоль домов и по мостам. «Быстрее, быстрее!» – гнал он незадачливых прохожих, зачем-то покинувших очаг своего дома в такую погоду. Потом стали падать первые капли дождя. Они словно бы извинялись за будущий разгул стихии, царапались в окна и спрашивали: «Все дома?» И только потом, после блеска молнии как последнего предупреждения, грянул ливень.

В такую погоду можно было точно никого не ждать.

Джи довольно долго слонялся по дому, посидел перед окном, наблюдая дождь. Потом он лёг в кровать, но уснуть не смог. Дождь бил по стёклам, по крыше. Джи закрывал глаза, и ему казалось, что дождь не там, за окном, а вот здесь, прямо рядом с ним, стоит только протянуть руку. Он открывал глаза, видел, что рядом с ним никакого дождя нет, шёл к окну, смотрел на пустые улицы и огни в окнах соседских домов и возвращался в постель. Сон не шёл.

Тогда он достал мольберт и кисти. Джи всегда хотел стать художником, писать удивительной красоты пейзажи и портреты прекрасных незнакомок, но из-под его руки появлялись какие-то странные образы. Пейзажи входили тёмными и мрачными, девушки – хитрыми или чудаковатыми. На какое-то время он оставил живопись, но забыть краски и холст не мог.

Бывало, что он доставал мольберт и просто смотрел на него. Или где-нибудь находил кисточку, брал её в руку и так ходил с ней некоторое время. Близость какого-либо предмета, который позволял чувствовать себя художником, была ему необходима как воздух.

И вот сейчас, когда дождь захватил всё, он достал мольберт, поставил напротив него стул и сел смотреть на него. Мольберт был пуст. На улице шёл дождь. В доме было трагически одиноко. Через какое-то время Джи понял, что хочет спать. Он разделся и лёг.

К своему удивлению, он мгновенно заснул.

Когда он проснулся, то за окном шёл дождь. Джи поднялся, вновь прошёл по дому и уткнулся в мольберт. Мольберт по-прежнему был пуст. Дождь всё также шумел за окном. Джи нашёл у себя дома вино и хлеб. Взяв глиняный маленький кувшин в одну руку, а мягкий душистый хлеб в другую, Джи сел напротив мольберта. Мольберт был пуст.

Джи сидел напротив, ел хлеб, откусывая маленькие кусочки, и запивал тяжёлым маслянистым вином, делая слишком

большие глотки. Дождь не утихал, Джи был в этом абсолютно уверен. Дождь сводил с ума, так ему удалось убить время. Тёмные пушистые тучи не покидали неба, не пропускали солнца, и было совершенно непонятно, что сейчас: день или ночь? Никто не ходил по улицам, а в соседских окнах всегда горел свет.

Джи доел хлеб, потом допил вино, поставил пустой кувшинчик рядом со своей левой ногой и стал смотреть на мольберт. Мольберт был пуст.

Джи понимал, что так не может продолжаться вечно. Дождь не прекращался. Дождь звал его начать работать, а он сидел и смотрел на мольберт.

В какой-то момент ему надоело смотреть, он достал кисти и краски и встал рядом с пустым холстом. Он не знал, что должен рисовать.

Джи смешал какие-то краски и стал водить линии. Руки как по волшебству делали что-то особенное. Шёл дождь.

Если бы дождь не уничтожил время, Джи мог бы сказать, сколько он простоял у мольберта. А так время превратилось в точку. В этой точке времени Джи нарисовал портрет прекрасной девушки, которую никогда не видел в жизни.

А может быть видел?

Джи внимательно посмотрел на холст.

Глубокие синие глаза, высокий лоб, выющиеся локоны. Нет, никогда не видел! Если бы видел, то непременно её бы запомнил!

Джи сел напротив неё и не мог уйти. Дождь стал благословенным, ведь именно из-за этого дождя к нему никто не приходил и не беспокоил. Он мог вечно сидеть напротив этого портрета, и ему никто не будет мешать. Поистине, дождь благословенен!

Дождь продолжал шуметь за окном.

Джи не сомневался, что был единственным человеком в Вероне, который радовался этому нескончаемому дождю. Да, он знал, что картина останется с ним и после дождя. Должна остаться, думал он. Портрет незнакомки рождал в нём странные чувства. Он не мог их описать. Что-то внутри бурлило и искрилось. Он радовался страшному дождю и своему вынужденному одиночеству. А потом он заснул, сидя перед портретом девушки, которую никогда не видел.

Он вскочил от робкого стука в дверь. Вскочил как ужаленный, словно бы ему под сердце вонзилась стрела с раскалённым наконечником. Он шумно дышал. Смотрел вокруг бешеными глазами и хватал ртом воздух. Где портрет?

Вот он. Прямо перед ним.

Он выдохнул.

Сердце изо всех сил билось в груди.

Глубокие синие глаза преданно смотрели на него.

Дождь по-прежнему шумел за окном.

Джи стоял на прямых напряжённых ногах и осознавал мир вокруг. Всё было так, как перед тем, как он заснул. Отчего он проснулся? От стука? Но кто мог стучать в дверь в такую

погоду? Уж не послышалось ли ему? Он прислушался. Только шумел дождь.

Вряд ли, решил он. Не стоит даже подходить к двери, уверил он сам себя.

Глубокие синие глаза были с ним согласны.

И тут раздался стук.

Мягкий, робкий, настолько неуверенный, что Джи мог бы его и не заметить, будь он хоть чем-нибудь занят. Но Джи ничем не был занят. Он стоял, смотрел в глаза девушки, портрет которой нарисовал сам и не мог отогнать мысль, что слышал стук.

Ну кто, скажите на милость, мог пожаловать к нему в дом в такую погоду?

Он ощутил страх.

Это было настолько необычно, что Джи стал озираться по сторонам и думать, а чего же он так боится. Тело стало деревянным, ноги налились свинцом, и он с трудом сделал несколько шагов к двери.

Страшно.

Он вдруг понял, что боится открыть дверь. В эту минуту ему так хочется, чтобы этот робкий стук оказался плодом его воображения. Можно? Ведь если это всего лишь то, что ему показалось, то он не услышит этот стук больше никогда, сколько бы ни стоял перед дверью. Ведь так?

Он стоял и ждал. Стук не повторялся.

Казалось бы, Джи должен был подумать, что стук ему при-

виделся, отойти от двери и заняться своими делами (хотя какие у него дела?), но вот именно теперь, когда он стоял в метре от двери, Джи отчётливо понял, что в его дверь стучали. Он нисколько не сомневался, что там, за дверью, стоит человек и ждёт, когда он, хозяин дома, эту дверь откроет. Джи почти физически ощущал человека за дверью. Почему же этот человек не стучит ещё раз?

Джи подумал, что если бы он пришёл к кому-нибудь, постучал и ждал бы столько времени, то непременно постучал бы ещё раз. Но человек, который пришёл к нему и стоял по ту сторону двери, о себе больше не напоминал. Это было так необычно, что Джи сделал шаг и открыл дверь.

На пороге, конечно же, стояла она. С тёмных волос на паркет стекала вода, глубокие синие глаза смотрели на него. Она ничего не говорила, а только ждала.

Джи схватил её за руку и втянул в дом. Она шла за ним словно бы никогда до этого не ходила и понятия не имела, как пользоваться собственными ногами. Он привёл её к камину, расстелил плед, усадил, а потом принёс большое махровое полотенце. Джи разжёг в камине огонь, заварил большой чайник ароматного пряного чая и сел рядом с ней. Она дрожала и смотрела на него.

– Как ты здесь оказалась? – спросил он. Губы девушки задрожали, и она отрицательно повертела головой.

– Это неважно, – сказал Джи. Он принёс ей дымящийся в кружке чай. Она обхватила кружку двумя руками и сделала

большой глоток. Джи стоял рядом и смотрел на неё.

– Анна, – сказала она и перестала дрожать.

– Джи, – сказал Джи. Он оставил её с чаем и полотенцем возле камина, а сам занялся картиной: запаковал её в хрустящую бумагу, положил в холщовый мешок и убрал далеко в шкаф. После этого он вернулся к Анне. Та уже оставила полотенце и допила чай.

– Что со мной будет? – спросила она.

– Ты останешься со мной, – уверенно сказал Джи.

И она осталась.

Дождь кончился на следующий день. Джи позвал домой своих друзей и родителей. За огромным столом представил её как свою невесту и тут же сделал предложение. Они обвенчались в маленькой церквушке на краю города. Священник был очень удивлён, что на церемонии не было никого со стороны невесты. Все приглашённые являлись друзьями или родственниками жениха. После венчания Джи привёл Анну в свой дом уже как законную супругу.

Они прожили долгую жизнь. У них случилось двое детей: девочка с пшеничными волосами – Мира и молчаливый, иногда казавшийся угрюмым, Хью. Им довелось увидеть счастье своих детей и повозиться с внуками.

Однажды перед Рождеством Хью решил заглянуть к родителям на минутку, чтобы напомнить, что ждёт их завтра на праздничный ужин, но дверь оказалась заперта. У него был свой ключ, и дрожащими руками он открыл дверь.

– Мам! Пап! – зазвенел его голос по родительскому дому.

Он прошёл по всем комнатам, но везде было пусто. В спальне родителей он замер перед картиной, которая висела над их кроватью. Это был их совместный портрет. На нём они были совсем молодые. Анна сидела, а Джи стоял за ней слева и касался пальцами её правого плеча.

Хью нахмурился, но не смог вспомнить, чтобы он когда-нибудь видел эту картину. Когда она появилась?

Хью в тот день так и не нашёл своих родителей в тот день. Потом весть об их пропаже дошла до Миры которая тоже пришла в дом и остановилась перед этой картиной в спальне.

Странно, что я раньше не замечала эту картину, подумала Мира.

Ещё через день об исчезновении Джи и Анны узнал весь город.

– Всякое случается! – говорили люди и пожимали плечами. Никто не понимал, что произошло. Все понимали, что жизнь Джи и Анны закончилась. В такой момент устраивают похороны, дают волю слезам и дружескому участию, но вот так, без прощания и последнего «прости»... Хью и Мира тоже оказались в затруднительном положении: родительский дом оказался пуст, и им не принадлежал. Они боялись его трогать, не решались заговорить друг с другом о наследстве, не знали, что со всем этим делать.

Сначала они приходили туда, чтобы убрать пыль, боясь что-то трогать. Потом стали приходить реже. Разумеется, на-

стало время, когда никто из них не решался подойти к дому. Иногда люди говорят, что человек куда-то там забыл дорогу, если давно туда не ходил, но это выражение не передаёт того, что случилось с домом Джи и Анны. Хью как-то решил посетить дом своих родителей, пришёл к нему и увидел, что в доме живут какие-то люди. Он постучал в их дверь, устроил скандал, утверждая, что это дом его родителей, а эти люди живут в нём незаконно. Пришлось вмешаться полиции. Люди, которые открыли дверь Хью, представили все документы, подтверждающие, что они почти двадцать лет живут в этом доме. За Хью приехала Мира, которая высмеяла брата, узнав, куда он пришёл и что требовал.

Хью извинился перед людьми и попросил Миру отвести его в дом родителей.

– Я и сама давно там не была, – с грустью признала Мира. Брат и сестра долго шли по улицам родного города, пока Мира не сказала, что заблудилась и точно не помнит дорогу.

– Как?! – возмутился Хью. – Мы не можем в родном городе найти дом, в котором прошло наше детство? В котором всю свою жизнь провели наши родители? Дом, который всегда нас ждал и где нам всегда были рады?

– Мы долго не приходили, – сказала Мира. – Возможно, власти перестраивали город, им понадобилось место, на котором стоял наш дом, и они его снесли.

– Почему же не связались с нами? Почему никто ничего не знает про наш дом?!

– Это не наш дом, – пожалала плечами Мира. – Это дом наших родителей.

– Но ведь их давно уже нет!

– Их нет... Ты прав! А у нас свои дома и своя жизнь...

– Так как же быть?!

– Жить, – сказала Мира.

– И оставить это вот так?!

– Да.

– И тебе совсем не жаль нашего дома?

– Этот дом навсегда останется со мной! – Мира улыбнулась и обняла брата рукой за шею, отчего почти повисла на нём.

– Он ещё и с тобой, – уверенно сказала она. – Этот дом навсегда с нами. Там, где всё это с нами, никогда и ничего не пропадает. Не переживай об этом доме! Он с нами, поверь!

Хью хотел спросить её о картине, которую видел в спальне родителей, но было так здорово идти с Мирой и слушать, как она что-то там щебечет, что он не решился её прервать.

Наверное, где-то есть дом Джи и Анны. Его можно узнать по картине в спальне. Хотя нельзя сказать наверняка, что эта картина висит в спальне. Она может висеть и в другой комнате. Да и картина может, как вы понимаете, немного измениться (вы же поняли, что она немного поменялась?). А ещё таких домов может быть множество.

Страшно, если вы таких домов не знаете.

4 Бог, чума и маскарад

Вот уже сто с лишним лет сцена, описанная евангелистом Лукой, запечатлённая в камне, возвышалась над головой всякого, кто стоял перед кафедральным собором славного города Вероны. Люди не задерживались под ней и уже почти не обращали на неё внимания. Равно как и на грифонов, стоящих справа и слева, и призванных по идее мастера служить охранниками входа в храм. Охранять ничего не требовалось, да и каменные птицы были на самом деле данью всемогущей Венеции, под патронажем которой находилась Верона. Далее по мраморным ступеням можно было спуститься к широкой улице, на которой легко могли разъехаться две встречные повозки. По этой улице можно было попасть к старейшей площади города – Пьяцце делле Эрбе, принятую горожанами называть как «площадь трав». Эта прямоугольная площадь была густо заставлена со всех сторон богатыми домами и высокими башнями, а посередине гордо возвышался фонтан. От этой площади на юг к реке Адидже уходила узкая улочка, которая петляла до самого моста Скалигеров, в три пролёта перемахивающего через главную реку города.

По этому мосту катилась прочная и грубо сделанная повозка о двух громадных колёсах, которую с трудом тащил осёл, а правил ей тучный лысеющий монах – брат Лорен-

цо. Если бы священнослужитель шёл пешком, то явно бы перемещался быстрее. А так как повозка его была пуста, то некоторые горожане, видевшие брата Лоренцо, усмехались до или после того, как приподнимали шляпу или отдавали поклон. Брат Лоренцо широко и сладко улыбался каждому и гордо ехал по неровно вымощенной кладке.

– Ола-ла! – услышал брат Лоренцо как только съехал с моста Скалигеров к Вероне. – Кого я вижу? Брат Лоренцо! Не может быть!

Меркуцио соскочил с громадного валуна, на котором сидел до этого, и простёр руки в сторону повозки брата Лоренцо.

– Доброе утро, синьор Меркуцио! – отвечал брат Лоренцо, но улыбка его была не такой радужной, какой он награждал других приветствующих его.

– Я смотрю, что вы стали больше доверять ногам осла, чем своим собственным? А зря, брат Лоренцо! Ослиная голова совсем не умеет определять время, а потому заставила меня ждать на этом камне все составляющие вашего тела!

– Простите, синьор Меркуцио! Я гнал этого ленивца, как только умел, но что с него взять, он ведь осёл!

– Вы совершенно правы! Совершенно не стоит обижаться на осла, мой друг! Осёл точно ни в чём не виноват!

– Как же я рад, что вы на меня не сердитесь! Прошу вас, садитесь рядом, синьор Меркуцио!

– Разумеется, я сяду!

Меркуцио легко вспрыгнул в повозку и устроился рядом с братом Лоренцо. Осёл потащил их вперёд несколько быстрее, чем шёл до этого.

– Мне кажется, или осёл везёт нас двоих быстрее, чем он до этого вёз вас одного?

– О! вы жутко наблюдательны, синьор Меркуцио!

– Так что же?

– Думаю, даже осёл боится попасть на ваш острый язык, поэтому побежал со всех ног!

– То есть осёл соображает довольно неплохо?

– О! Это очень умный осёл, синьор Меркуцио!

– Это смотря с кем сравнивать, брат Лоренцо!

– И это вы точно подметили, синьор Меркуцио! – брат Лоренцо расхохотался, отчего осёл побежал ещё быстрее. Но вскоре повозке пришлось двигаться гораздо медленнее, ведь они въехали в постоянно поворачивающую улочку.

– Что слышно за пределами Вероны? – поинтересовался Меркуцио.

– Главная новость уже несколько времени не меняется, синьор Меркуцио! – вздохнул монах.

– Где же чума свирепствует ныне?

– Как вы догадались, что речь идёт именно о чуме?! Синьор Меркуцио! Видит Бог, я не знаю никого умнее вас!

– О, мой дорогой друг! Вы бы тоже догадались, если бы последние пару часов не провели в обществе осла...

– О, нет, синьор Меркуцио! Куда мне до ваших умствен-

ных талантов! Да и этот осёл не так глуп, как вы полагаете!

– Брат Лоренцо, я совсем не считаю этого осла глупым!

– Правда?

– Чистая правда!

– Это хорошо! – закивал брат Лоренцо. – Мне, признаться, стало немного обидно, когда вы дали понять, что считает ослов глупыми животными.

– Я совсем не это имел в виду.

– Это хорошо!

– Я, конечно, на кое-кого намекал, сравнивая этого человека с ослом, но к ослу у меня нет абсолютно никаких претензий!

– Как же я рад, что я ошибался, думая, что вы считаете осла глупым!

– Совсем нет!

– Это хорошо!

Они проехали некоторое расстояние не разговаривая друг с другом и отвешивая поклоны направо и налево.

– Как же я рад за осла! – вновь выразил успокоение брат Лоренцо.

– Я считаю ослов очень умными животными.

– Правда?

– Конечно!

– Просто мне показалось, что вы высмеиваете чью-то глупость...

– А вот это вам не показалось...

– Правда?

– Да! Но расскажите лучше о чуме...

– Подождите, а кого же вы считаете глупым, если мы говорили только об осле?

– Думаю, это уже не важно...

– Как не важно?! Синьор Меркуцио, позвольте и мне становиться умнее! Дайте мне подсказку! О чьей глупости вы говорили, когда обсуждали глупость осла?

– Брат Лоренцо, ответьте мне на один вопрос, чтобы мы продолжили нашу беседу в правильном русле!

– О! Это с удовольствием! Задавайте!

– Что важнее: чума или осёл?

Брат Лоренцо сосредоточил лицо, собрав брови и морщины на лбу в единую кучку.

– Чума или осёл... Осёл или чума... Вот ведь вопрос!

– Ну же?

– Тут есть какой-то подвох? – хитро сощурил глаз монах.

– Тут нет никакого подвоха! – горячо воскликнул Меркуцио. – Ну же! Какая тема важнее: осёл или чума?

– Нет, подвох тут всё-таки есть! – гордо заявил брат Лоренцо.

– Дорогой мой, представьте, что вы умный человек...

Представили?

Брат Лоренцо расплылся в улыбке и самодовольно кивнул.

– О чём бы вы стали говорить: о чуме, которая вот-вот

придёт в наш город, или об осле, который везёт нас сейчас к Площади Трав с такой скоростью, что спрыгни мы прямо сейчас с этой трёклятой повозки, через два ваших пустых вопроса окажемся на самой площади! Ну же! Решайтесь!

– Гм... Говорите, если бы я был умным человеком?

– Да, именно так!

– Ну если только умным...

– Да, это неперемнное условие!

– Ну...

Брат Лоренцо закатил глаза, а потом осторожно сказал:

– Умные люди часто обсуждают ослов... Слушайте, синьор Меркуцио...

И он вдруг захохотал, да так громко и заразительно, что Меркуцио стал озираться по сторонам, думая, как к этому отнестись. Вот теперь, озираясь, он понял, что узкая улочка осталась позади, а впереди уже виден фонтан, а справа падает тень от башни Ламберти, которая, казалось, упирается в самые облака.

– Доброго вам дня, святой отец! – крикнул какой-то чумазый мальчишка, и брат Лоренцо перестал смеяться. Вокруг было столько людей, что осёл не мог бы пойти быстрее, даже если бы захотел.

– К чему это я? – радостно обратился он к печальному Меркуцио. Тот не ответил, мрачно поглядывая вокруг.

– Ах, вот! Вспомнил! Мне тут давеча стало известно, что Капулетти собирается устроить маскарад! А знаете, синьор

Меркуцио, повод, ради которого затевается праздник?

– Ну? – вздохнул Меркуцио.

– А дело в том, что приезжает Парис, молодой и богатый родственник князя. Этот молодой человек хочет жениться на Джульетте. Почтенный синьор Капулетти не сильно рад такой страсти, поэтому придумал двойную защиту: во-первых, встретит Париса маскарадом, в котором не так просто будет определить Джульетту; а во-вторых, он позвал всех красавиц города, рассчитывая, что молодому человеку может приглянуться другая девушка!

– И тем самым он сойдёт за радушного хозяина, – задумчиво сказал Меркуцио.

– Да-да! – хохотнул брат Лоренцо. – Получается, что он надел маску ещё до карнавала, который сам устроит!

Меркуцио рассмеялся.

– Теперь я тебя понимаю, брат Лоренцо! Да уж, хорош почтенный Капулетти!

– А ведь вдумайтесь, синьор Меркуцио, как часто людям приходится участвовать в таком маскараде! Вот мы сейчас на Площади Трав, где множество людей. Каждый из них пришёл по каким-то надобностям, но как же всё непросто на этой площади!

Меркуцио усмехнулся, больше любуясь речью брата Лоренцо, чем глядя на людей на Площади Трав.

– Вон там, например, стоит молочница Марта, видите её? Меркуцио проследил глазами за рукой брата Лоренцо, но

ничего не ответил.

– Попробуйте взять у неё молока в долг, и у вас ничего не получится. Однако Шурлю, целому днями таскающему хворост с ближайших холмов, она никогда не откажет, если он, конечно, перед этим соблаговолил потрепаться с ней некоторое время... Проклятый амур заставляет забывать её долги этого парня и давать в долг вновь и вновь! А вон Лизетта – дочь нашего лучшего обойщика – тихая и скромная девушка, во всём беспрекословно слушающая своего грозного отца. Кстати, вы знакомы с её отцом?

– Обойщиком Гримальдом?

– Да, он самый.

– Мерзкий тип. Подхалим и обманщик.

– Вот! И это только то, что знаете о нём вы, хотя, сдаётся мне, вы не каждый день с ним общались. А со своими домашними он ужасно жесток и требователен. Так вот Лизетта, тихая и скромная Лизетта, бывает, убегает ночью куда глаза глядят.

– Это как?

Меркуцио внимательнее присмотрелся к тоненькой девушке, скромно опустившей длинные ресницы.

– Она довольно влюбчивая особа, и украсть её на ночь не составляет большого труда. Это уже удавалось сделать и юному Расти, помощнику кузнеца, что ведёт своё дело под мостом Скалигеров, и булочнику Пимпо, жена которого напоминает пышную и румяную булочку, и знатному Ули, боль-

шому, кстати, охотнику до женских прелестей...

– А вам доводилось? – едва слышно и быстро спросил Меркуцио.

– Мне?! За кого вы меня принимаете, синьор Меркуцио!

– За служителя церкви, которому известно слишком много грехов горожан Вероны.

– Не так уж и много!

– Мне страшно даже предположить, сколько бы вы ещё могли сорвать масок на сегодняшнем маскараде, если бы сдержался и не задал свой вопрос.

– На этой площади есть люди, грехи которых покрыты для меня туманом неизвестности.

– Кто, например?

– Да хотя бы вы, синьор Меркуцио.

– Как же так, брат Лоренцо? Боюсь, вам известны вещи, за которые в аду уже давно ждут меня!

– О! Давайте не будем преувеличивать вашу тягу к познанию этого мира!

– Не думаете же вы, что если маску примеряет целый храм, а не человек, то...

– Молчите! – зашипел на него монах. – Мы уже приехали, вылезайте!

Меркуцио послушно прыгнул, а вот тучному брату Лоренцо пришлось повозиться, спускаясь с повозки спиной вперёд. Откуда-то прибежали два молодых прислужника, забываясь и о монахе, и о повозке с осликом.

– Пойдёмте! – довольно грубо позвал брат Лоренцо Меркуцио за собой и стал взбираться к грифонам главного храма в Вероне.

– Вряд ли нас мог кто-то слышать, – спокойно отозвался Меркуцио.

– Не думаю, что нам следует проверять это опытным путём... При всём уважении к вам, синьор Меркуцио!

– Как вам будет угодно! – согласился Меркуцио.

По мраморным ступеням они взошли в прохладу и сумрак храма, прошли между ровными и пустыми скамьями величественного зала и приклонили колени перед изображениями Христа и Девы Марии. Монах достал из рукава чётки, закрыл глаза и, шепча что-то невразумительное, быстро перебирал деревянные шарики один за другим.

Меркуцио уже давно не молился, считая это занятие бесполезным, а иногда даже и смешным действием. Да, он приклонял колени в храме, ходил на исповеди (но не к брату Лоренцо), бывал на службах, но делал это только потому, что его не поняли бы все остальные жители Вероны. Поэтому Меркуцио терпел.

Брат Лоренцо закончил свою молитву, молча поднялся и поплёлся к тёмной стене храма, из которой торчало кованое кольцо, на котором обычно был закреплён факел. Лоренцо ухватился за это кольцо и, приложив все свои силы, потянул его на себя. Кольцо опустилось, а пласт стены рядом со скрежетом подался внутрь.

– Идите первым, не споткнётесь! – сказал брат Лоренцо. Меркуцио было не нужно просить дважды. Он легко протиснулся в тёмный проём, сделал пару шагов и дождался своего спутника. Как только они оба оказались на винтовой лестнице, уходящей вниз, скрежет каменной стены возвестил, что стена встала на своё место.

– Вы так легко запомнили ступени! – восхитился брат Лоренцо и Меркуцио по голосу понял, что монах довольно серьёзно от него отстал, спускаясь вниз.

– Вы так и ничего не сказали о чуме, – напомнил Меркуцио.

– А вас, как я посмотрю, довольно серьёзно занимает эта тема...

– Быть может, сон-трава избавит меня от интереса к подобным темам, но пока вы правы, брат Лоренцо. Так что там?

– В Верону придёт чума, – немного помедлив, сказал монах. – В этом нет никаких сомнений.

– И как мы будем защищаться?

– Как обычно, – вздохнул священнослужитель.

– И как мы защищаемся обычно?

– Трусостью, предательством и равнодушием...

– То есть?

– Избегаем всех, кого коснулась или может коснуться – по нашему мнению – печать смерти.

Винтовая лестница привела их в комнату, тускло освещённую одним-единственным факелом. Сама комната была

крохотная, стены её были выложены красным кирпичом, потемневшим от сырости и копоти, а рядом с факелом была массивная деревянная дверь. Брат Лоренцо подошёл к этой двери. В его руках мелькнул массивный, блеснувший серебром ключ. Раздался лязг отворяемого замка, а затем дверь распахнулась. Они вошли в довольно большую комнату с довольно высоким потолком, освещённую люстрой с сотню свечей, со столами около стен и посередине комнаты. Два книжных шкафа, заваленных книгами в дорогих переплётах, стояли справа и слева от двери. Столы были заставлены стеклянными склянками.

– Итак, вы принесли необходимое? – хищно спросил монах.

– Разумеется, – усмехнулся Меркуцио. Он тут же достал тряпицу, развернул её на одном из столов и показал небольшой пучок травы с фиолетовыми цветками.

– Да, – вынес свой вердикт брат Лоренцо. – Никаких сомнений: вам удалось достать сон-траву!

5 Кошки, сон, смерть

– Никак не могу понять, – плавно начал плести очередную беседу монах Лоренцо – что заставляет вас часами просиживать в тухлом подземелье, что мы именуем лабораторией? Неужели вас так тянет знать тайны мироздания? Люди, подобные вам, синьор Меркуцио, предпочитают вино и любовь...

– Что я слышу, друг Лоренцо! – весело отозвался Меркуцио. – Вы либо жалеете о том, что выбрали путь служения Творцу, либо завидуете тем, кто предаётся смертным грехам?

– Думаю, мне не в полной мере удалось передать суть своей мысли...

– Да всё вам удалось, перестаньте занудничать!

Меркуцио только смотрел, как толстый монах ловко орудует склянками, весами с гирьками и ножом.

– Если вы поняли мою мысль, – вкрадчиво продолжал Лоренцо – то, возможно, вы позволите мне узнать ответ?

– Господи, брат Лоренцо! Сколько лет мы с вами знакомы?

– Девять, синьор Меркуцио.

Меркуцио с шумом выдохнул, как будто бы от чего-то устал.

– Неужели вы не заметили, что именно интересует меня?

– Я рискнул предположить, синьор Меркуцио...

Некоторое время они молчали.

– Ну так рискуйте! – потребовал Меркуцио, всплеснув руками.

– Я помню, когда впервые увидел вас в лаборатории. Помню, какие вопросы вы задавали...

– Брат Лоренцо, вы тянете кота за хвост!

– Я?!

Монах остановился и стал оглядываться вокруг себя.

– Брат Лоренцо! Я так сказал, потому что вы очень долго подходите к ответу! Вы должны были ответить на мой вопрос минут эдак пять тому назад, но вы до сих пор чешетесь!

Лоренцо прекратил все движения и только часто моргал.

– Рожайте быстрее! – потребовал Меркуцио.

– Это выражение тоже не надо понимать буквально, синьор Меркуцио?

Меркуцио злился.

– Понимайте как хотите! Так вы заметили область моих интересов?

– Мне кажется, синьор Меркуцио...

– Итак?

Меркуцио стоял и в упор смотрел на монаха, немым укором требуя ответа.

– Я осмелюсь предположить, что вас интересуют два явления этого мира...

– Вы наблюдательны, словно осёл! – дал волю своим чув-

ствам Меркуцио.

– Смерть и сны, – спокойно сказал Лоренцо, даже не заметив оскорбительного выпада Меркуцио в свой адрес. – Правда, я склонен предположить, что на самом деле вам интересно только одно из этих явлений, но вы видите некую связь между ними, поэтому исследуете одно через другое. Я бы сказал, по принципу подобия и частичного соответствия...

– Как же долго вы добирались до умных слов! – воскликнулся Меркуцио.

– Умных слов не бывает, – резко и быстро произнёс монах. – Все значения словам придают люди. Вот они – люди – бывают глупыми и умными. Но мы не об этом, верно, синьор Меркуцио? Верны ли мои наблюдения?

– Вы правы, мой друг! – воскликнул Меркуцио. – Я в самом деле интересуюсь тайной смерти и думаю, что сон является неким схожим явлением, изучив которое, я могу приблизиться и к главной загадке.

– Что же в смерти загадочного? Неужели вы не понимаете, что смерть есть конец сути всего сущего?

– Видимо, мне стоит уточнить свою мысль. Сам процесс умирания меня не сильно интересует. Скорее, мне интересно то, что происходит после смерти.

– Но ведь Священное Писание подробно рассказывает об этой стороне смерти? Вы не находите сведения из Священного Писания верными?

– Я нахожу их верными, брат Лоренцо, но недостаточно

изученными и от этого совершенно неуправляемыми...

– Вы хотите управлять смертью?!

Меркуцио подумал, что не может определить по интонации вопроса с каким соображением брат Лоренцо задал этот вопрос. Удивлён? Возмущён? Возможно, считает происходящее сумасбродством и в будущем сделает так, чтобы он, Меркуцио, больше не оказался в лаборатории?

– Я ничего не имею против Священного Писания...

– Помогите мне определить, синьор Меркуцио...

С этими словами монах остановился, нож и гирьки прекратили своё движение. Брат Лоренцо развернулся к Меркуцио несколько недружелюбно (как показалось последнему), блистая лезвием ножа с зелёным соком.

– Никак не могу понять, – медленно произносил брат Лоренцо, – вы тянете кота за хвост или рожаете?

Меркуцио не выдержал и расхохотался, сотрясая вокруг себя воздух, пламя фонаря и затхлый воздух подвала. Монах оставался с прежним выражением лица, терпеливо ожидая ответа.

– Я давно не получал такого удовольствия от беседы, друг Лоренцо! Впредь я буду учтивее с вами, я обещаю!

– Вы так говорите, синьор Меркуцио, будто вы меня чем-то обидели, а я вас потом проучил. Это не так, смею вас уверить. Давайте вернёмся к основной теме нашей беседы. Она, смею вас уверить, крайне интересна для меня.

Монах повернулся спиной и стал наливать воду в стеклян-

ные колбочки, оставив нож в стороне.

– Итак, – устало вздохнул монах. – Мы остановились на том, что вы исследуете смерть как явление. Видите некое соответствие и подобие сна и смерти. Пусть! Так вы хотите научиться управлять каким-то процессом после наступления смерти? Уж не хотите ли вы научиться попадать в рай, минуя всё то, что назначено Богом для человека?

– Нет, брат Лоренцо. Я ни в коем случае не посягаю на власть Бога определять кому и где находиться. Меня в этом смысле интересует жизнь.

– Как же это?

– Я хочу жить, дорогой друг! Я не хочу умирать.

– То есть вы не хотите покинуть этот мир вообще?

– Всё верно, брат Лоренцо. Этот мир мне настолько нравится, что я совсем не хочу попадать в какой-то другой... Вы уверены в тех пропорциях, что вычитали в трактате этого арабского алхимика?

Меркуцио замолчал, ожидая, что на это скажет монах, но тот ничего не говорил. Просто расставлял склянки с зелёной водой в ряд. Склянки отличались друг от друга насыщенностью зелёного цвета. Всего склянок оказалось пять.

– Вы хотите победить смерть, – сказал брат Лоренцо, и Меркуцио опять не уловил интонацию своего собеседника. В этот момент на стенах появились тени, которые инстинктивно заставили положить Меркуцио перчатку на рукоять шпаги.

– Как в этом вам помогают сны? – не обращая внимания, продолжал монах.

– Я вижу, что сон и смерть – две стороны одного явления, – ответил Меркуцио.

– Вот как?

– Именно так!

– Давайте не будем обсуждать соответствия. Приблизительно я понимаю, что вы мне ответите. Лучше расскажите о том, как вы работаете со снами. Что вы делаете?

Теней стало три и одна из них рывком бросилась так, что брат Лоренцо больше не мог не обращать внимания на творившееся вокруг.

– Джованини? – повысил голос монах.

– Да, брат Лоренцо!

Из темноты появилась фигура в капюшоне с длинными полами тёмного балахона. Джованни подошёл ближе, молитвенно держа руки в районе груди.

– Ты весьма кстати! – похвалил своего подчинённого брат Лоренцо. – Подожди немного!

Призрак в тёмном кивнул и отплыл к стене, откуда и вышел.

– Продолжите, синьор Меркуцио!

– Тут я должен сказать, что сновидения, которые видят люди, представляют собой особый мир.

– Допустим.

– В этом мире не может быть тело, только душа.

– Давайте я это пока приму это как гипотезу.

– И будете совершенно правы!

– Вот как?

– Да. Видите ли, в ходе своих опытов я пришёл к выводу, что это не совсем так...

– Вот тут не понимаю, синьор Меркуцио! Это либо так, либо не так.

– На данном этапе моих исследований я понял, что могу опровергнуть эту истину.

– Мне кажется, или я действительно слышу нечто невероятное?! Позвольте, я должен вас спросить напрямую: вы считаете, что тело может переместиться и существовать в мире, где существуют только души?

– Да, отец Лоренцо. Именно это я и имею в виду.

Монах в задумчивости зацокал языком. Меркуцио дорого бы дал за то, чтобы узнать, что думает по поводу услышанного его собеседник, но тот молчал.

– Окажите любезность, синьор Меркуцио, изложите свою гипотезу целиком! Мне кажется, что я слышу что-то невероятное!

– С удовольствием, хотя это довольно долгий разговор.

– Я буду готов вас слушать столько, сколько понадобится, да и Джованни никуда не торопится.

– Сегодня я скажу об этом кратко, – сказал Меркуцио. – Когда случится, мы вернёмся к этому разговору, и я с удовольствием поведаю вам подробности, брат Лоренцо!

– Благодарю вас, синьор Меркуцио! Итак, я весь внимание!

– Приходилось ли вам видеть, когда какой-нибудь кот сидит на одном месте, всматривается в пустоту, а потом вдруг фыркает или шипит, а иногда вскакивает в боевую стойку, при этом вздыбивая шерсть так, будто его сейчас разорвёт изнутри неведомая сила?

– Да, припоминаю такое! – улыбнулся монах. – Когда я был мальчишкой, то меня забавляло такое поведение этих животных!

– У кошек вообще довольно много странного поведения. Видели ли вы как они ходят по карнизам на совершенно любой высоте, совершенно не испытывая страха падения? Как они умудряются встать на все четыре лапы, кто бы и как бы их не швырнул?

– Всё это, несомненно, любопытно, но я пока не понимаю, к чему вы клоните?

Меркуцио ухмыльнулся:

– Кошки не делают такие вещи в этом мире. Они делают это там!

– Где «там»?

– В другом, потустороннем мире. В мире грёз, снов и смерти.

– Я не понимаю вас, дорогой Меркуцио!

– Послушайте, брат Лоренцо! В том мире нельзя упасть и разбиться, поэтому кошка перемещается в тот мир, а по-

том ступает на узкий карниз и идёт по нему в совершенной безопасности. В том мире нет времени, поэтому она всегда успевает встать на четыре лапы. В том мире есть что-то, что может появиться здесь, прямо среди нас. Это что-то не способно причинить нам вред, но один лишь вид этого сводит кошку с ума и заставляет принять самый боевой вид, на который она только способна.

Меркуцио готов был поклясться, что чувствует страх, который испытал при этих словах брат Лоренцо, хотя лицо монаха оставалось сытым и немного задумчивым, а глаза печальными, как и минуту назад.

– Не думаю, что ваши слова можно доказать или опровергнуть. Это, во-первых, – отозвался брат Лоренцо. – Во-вторых, я пока не понимаю, какое отношение всё это имеет к смерти.

– А вот это самое сложное, – вздохнул Меркуцио. – Если совсем кратко, то получается вот так: во сне люди могут встретиться с теми, кто ушёл в иной мир. Мне довелось узнать истории, где эти умершие сообщали нечто такое, что так или иначе происходило в этом мире. Или, если хотите, иногда случаются сны, которые среди нас принято называть вещими.

Брат Лоренцо молчал.

– Конечно, вы можете сказать, что это всё происки дьявола, – сказал Меркуцио и умолк.

– Сон-трава позволяет вам вызывать вещие сны, – непри-

вычно резкой интонацией и даже будто бы не своим голо-
сом сказал брат Лоренцо. – И вы ищите то, что позволит вам
управлять собой в этом самом вещем сне?

Меркуцио не смог удержаться и хитро улыбнулся.

– Что ж, это действительно интересно!

Дальше брат Лоренцо подозвал к себе брата Джованни:

– Эти склянки надо вскипятить, друг мой! Они могут ши-
петь, а могут визжать, пусть это вас не пугает... Не думаю,
что вскипят они быстро, но я хочу, чтобы вы видели весь
процесс... И ещё: позовите меня сразу же, как только хотя
бы одна из них начнёт закипать.

– Я всё сделаю, брат Лоренцо! – ответил капюшон.

– Дальше вы справитесь без меня? – спросил Меркуцио.

– Да, я найду вас, как только квинтэссенции будут готовы!

– Что ж, займусь мирскими делами, пока смерть и сны
готовятся в склянках!

– Это какими же? – усмехнулся брат Лоренцо.

– Ваши собратья почему-то именуют их грехами.

6 Бенволио

Меркуцио слишком поторопился выйти из храма: солнце светило уже вовсю, а глаза после подземного сумрака привыкали к солнечному свету отнюдь не мгновенно. Чёрные и фиолетовые круги поплыли вокруг Меркуцио, поэтому он остановился и зло выругался.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.